

(Примерно 1954 (55) г.)¹

Из эпистолярного наследия выдающегося советского поэта Михаила Васильевича Исаковского многое уже опубликовано. Наиболее интересной представляется его переписка с Александром Трифоновичем Твардовским («Дружба народов», №№ 7—9, 1976; «Неман», №№ 2—4, 1977. Публикация М. И. Твардовской).

Письма Михаила Васильевича и внукам следует отнести к иному — «домашнему» — жанру его эпистолярного наследия. И в то же время они являются как бы продолжением того разговора о поэтическом мастерстве и русском языке, который он вел со страниц газет и журналов с молодыми начинающими поэтами («О простой грамотности»), школьниками («Бе-

седа со школьниками»), читателями («Можно ли построить озеро?», «Ответ читателям «Литературной газеты») и даже маститыми учеными («Во имя чего?», «Снова о реформе»).

Любовь и внимание к родному языку, стремление к совершенствованию устной и письменной речи, обогащение словарного запаса, чуткое отношение к звучащему и написанному слову — постоянная забота Исаковского.

«Общезвестно, что каждый человек думает на своем родном языке», — писал он, — «любая человеческая мысль может возникнуть, может существовать и развиваться лишь на материале языка. С ним она связана органически, неразрывно. Мысли, кото-

рые могли бы возникнуть и существовать отдельно от языка, нет и быть не может.

Таким образом выходит, что чем лучше, чем глубже человек знает язык, тем богаче, глубже и точнее будут его собственные мысли, тем с большей определенностью и яркостью они могут быть выражены. И наоборот: у человека, плохо знающего язык, мысли неизбежно будут неясными, неглубокими, бедными. Богатство языка — это богатство мысли».

В письмах и внукам — Наташе и Тане — Михаил Васильевич терпеливо разъяснял им, как пишется то или иное слово, размышлял о выборе специальности, отвечал на волнующие их жизненные вопросы.

Михаил ИСАКОВСКИЙ:

же время познал неизмеримо мало по сравнению с тем, что можно познать вообще и что человечество когда-либо познает. Вообще говоря, никогда не будет такого времени, чтобы было познано все окончательно. Всегда останутся «тайны», которые снова и снова должны будут раскрывать последующие поколения. В конце концов, все глубже и глубже познавая вселенную, все полнее и полнее раскрывая тайны ее, человек сам научится управлять вселенной, он станет ее властелином. Сейчас слова «Мы солнце старое потушим, мы солнце новое зажжем» звучат лишь как символ, как мечта. Но пройдет время (конечно, это будет нескоро), и человек действительно будет зажигать новые солнца, будет указывать пути, по которым должны идти планеты и т. д.

Разве же не стоит человеку жить для этого, постепенно, поколение за поколением, накапливать все новые и новые знания, делая все новые и новые открытия?

Конечно же, стоит! И никакого разочарования оттого, что человек многое познал, быть не может, ибо знания, научные открытия и т. п. делают человека не слабым, — наоборот, он становится все сильнее и сильнее. И тут не может быть места никакому разочарованию.

Теперь по поводу твоего вопроса — каков смысл жизни общества.

Ты знаешь, вопрос этот кажется мне странным, неправильным. Ведь это в какой-то степени похоже на то, как если бы мы спросили — какой смысл в том, что солнце утром всходит, а вечером заходит, с какой целью вертится земля вокруг своей оси и т. п. Так же, как и солнце всходит и заходит по объективным законам природы, так и общество возникает и развивается не по воле каких-то людей, а по объективным законам, которые не могут быть созданы, отменены или переименованы людьми. Люди только могут познать эти законы и на основе этого познания успешнее действовать в жизни.

Так обстоят дела. (В скобках замечу, что общественные формации со временем меняются и меняются тоже по объективным законам развития общества: так, было общество античное, было общество феодальное, затем наступило общество капиталистическое, буржуазное, а в нашей стране и в ряде других стран — общество социалистическое.)

...Основой развития человеческого общества является труд. Без этого оно не могло бы существовать.

И, может, это будет не «по-научному», но я хочу сказать так: целью общества является давать людям все больше и больше материальных и духовных благ, чтобы в конце концов у людей все было, чтобы они жили в довольстве и счастье, чтобы пользовались всеми благами жизни (что и будет при коммунизме). Разве же это такая маленькая цель, чтобы сделать всех людей счастливыми? По-моему, цель эта большая, благородная и именно об этом мечтало человечество много веков.

В своем развитии общество совершенствуется, все время идет вперед. Жизненные блага оно добывает не

только для себя, но создает какие-то предпосылки, чтобы будущим поколениям жилось еще лучше. Оно и само пользуется всевозможными благами, которые были добыты предыдущими поколениями.

Если бы всего этого не было, если бы все прошлые поколения не оставили нам никакого «наследства», если бы они не двигались вперед и т. п., то ты сейчас жила бы, наверно, в какой-либо пещере и укрывалась бы от холода звериными шкурами. И уж, конечно, никакого искусства кино тебе не пришлось бы изучать.¹

Все, что мы сейчас имеем, все те блага, которыми пользуемся или будем пользоваться, все это результат жизни общества, его развития, его поступательного движения. Как же можно думать, что у общества нет цели? Это просто неправильно.

Наконец, я хотел бы тебе сказать вот что. Не надо так близко принимать к сердцу, что школьные программы построены неправильно. В жизни ведь бывают вещи и потрудней. Надо как-то уметь разумно приспособиться к этим программам. Вот и все.

Я, конечно, не хочу тебе давать совета, чтобы ты плохо училась. Тем не менее я скажу, что все надо делать в меру сил. А если через силу, то лучше не надо.

Вообще говоря, тебе нужно установить какой-то очень строгий режим жизни, сделать так, чтобы и учиться ты могла, и чтобы жила нормальной жизнью человека твоих лет, а не сидела взаперти, не изводила бы себя всякими не очень обязательными работами, не забивала себе голову, — ей-богу же, — совершенно ненужными вопросами.

Вот это тебе мой совет.

Желаю тебе, чтобы ты была здорова и чтобы все у тебя было хорошо.

Твой дед (старый).

15 января 1963

¹ В школьные годы Наташа увлекалась искусством кино. Это увлечение осталось и по сей день. Окончила она Смоленский педагогический институт по специальности «английский язык».

Дорогая Таня!

Я получил твое письмо и поздравительную открытку. Спасибо за поздравление.¹

Что касается твоего письма, то оно мне понравилось. Понравилось прежде всего потому, что ты пишешь совершенно грамотно. Это хорошо, ибо у нас далеко не все кончающие десятилетку знают русский язык и пишут без ошибок. Немало таких, которые не только после окончания ВУЗа в изоляции допускают как орфографические, так и синтаксические ошибки. Это ненормально, ибо язык является основой культуры. И тот, кто его знает плохо, никак не может быть человеком большой культуры.

Ну, а теперь о том, куда поступать. Ты права, когда говоришь, что надо выбрать такую профессию, чтобы после не раскаиваться. Однако же, у тебя есть сомнения: ты еще не решила, куда поступать — в юридический институт или в медицинский. По-видимому, ты хотела бы, чтобы я посоветовал тебе, как быть. Я скажу тебе свое мнение, но оно совсем не обязательно для тебя. Ты можешь поступать так, как найдешь нужным.

Дело мне представляется так, что и быть врачом, и быть юристом трудно. Но я лично предпочел бы медицинский институт, чем юридический. И вот почему: когда ты окончишь юридический институт, тебя пошлют работать следователем, а может быть прокурором или судьей. Во всех этих случаях тебе пришлось бы всю жизнь иметь дело с преступниками всевозможных категорий. Мне кажется, что это малоподходящее занятие для девушки или женщины.

...Быть врачом, да притом врачом хорошим — дело тоже очень трудное, хлопотное и сложное. Но, учась в медицинском институте, ты можешь выбрать себе специальность и по силам, и по вкусу. Специальностей этих в медицине много: ты можешь быть и терапевтом, и хирургом, и глазником и т. д. и т. п.

Одним словом, мне кажется, что в медицине ты будешь больше на своем месте, чем во всяких там юридических науках.

Но, повторяю, это мое мнение не считай обязательным для себя. Подумай еще раз, взвесь все «за» и «против» и потом решай.

Вот то, что я хотел тебе сказать в ответ на твое письмо.

Передай привет маме, Никандру Сергеевичу и Наташиной семье.

Дедушка.

20 января 1968

¹ 19 января Михаилу Васильевичу исполнилось 68 лет. Открытка — поздравление с днем рождения.
² Н. С. Сальников — отец Тани и Наташи.

Публикация Р. РОМАНОВОЙ и Е. САЛЬНИКОВОЙ
СМОЛЕНСК

Дорогая Наташа!²
Я уже давным-давно получил твое письмо, да все никак не мог ответить на него.

Так как ты еще ни разу не была в Москве и ничего не знаешь об этом городе, я решил послать тебе книгу, в которой рассказывается о Москве.³ Правда, по одной книге все узнать нельзя, но все же кое-что ты узнаешь.

Еще я хотел сказать тебе, что слово «до свидания» пишется не так, как пишешь ты. Надо писать его — «до свидания», т. е. на конце надо писать «я», а частицу «до» надо писать отдельно.

Дело в том, что когда люди прощаются, то они говорят: до (следующего) свидания. Для краткости слово «следующего» или «будущего» или «скорого» выбрасывается. И получается «до свидания».

Вообще я тебе советую: ты не только запоминай, как пишется то или иное слово или выражение, но и старайся всегда понимать, почему оно так пишется.

Передай от меня привет маме, папе и Тане.⁴
Твой старый дед.

¹ Письмо без даты. По воспоминаниям дочери Исаковского — Елены Михайловны Сальниковой, письмо следует отнести к 1954/55 учебному году.

² Наталья Никандровна Грибсеева (род. 1945) — старшая внучка М. В. Исаковского.

³ П. В. Сытин. «По старой и новой Москве». М.: «Детская литература», 1947. Книга была издана к 800-летию Москвы.

⁴ Татьяна Никандровна Шаперина (род. 1948) — младшая внучка.

Дорогая Наташа!

Я давно уже получил твое письмо, да все никак не мог собраться ответить тебе. Отвечая только теперь.

Как ты и сама знаешь, я — не ученый, не философ. Поэтому вряд ли смогу ответить тебе «по-научному». Но, с другой стороны, у меня все же есть кое-какие знания, есть некоторый жизненный опыт, есть надеюсь, просто здравый смысл. Все это подталкивает меня, что твои сомнения ни на чем не основаны, что явились они случайно в минуту какой-то слабости, а потом «прицепились» к тебе. Я твердо уверен в том, что все это пройдет и после тебе самой будет, может быть, неудобно (или, может быть, даже смешно) вспоминать об этом.

Вот ты говоришь, что Эйнштейн так глубоко все познал, что разочаровался в жизни, он завидовал любому трубочисту, который ничего не знает и просто живет, радуясь жизни.

Я не знаю, когда и по какому поводу Эйнштейн говорил, что он завидует любому трубочисту. Может, это и было в какую-то минуту слабости или какого-то разочарования. Но ведь все это очень несерьезно. Эйнштейн отнюдь не разочаровался в жизни. И его мнимая зависть к трубочисту, который не занимается никакими науками, не помешала Эйнштейну дожить до глубокой старости. И он не только прожил свои 76 лет, но до конца дней своих продолжал заниматься наукой, в которой он, по твоим словам, якобы разочаровался и завидовал людям необразованным, ничего не знающим. Он продолжал работать над своими открытиями, он совершенствовал их, углублял, т. е. старался познать еще больше. Где же тут разочарование? Именно любовь к науке, любовь к жизни заставили уже немолодого Эйнштейна покинуть Германию, когда там к власти пришел Гитлер, заставили его искать убежища в чужой стране, чтобы продолжать работу в науке. Разве это не так? А ты говоришь — разочарование оттого, что слишком много познал, и зависть по отношению к трубочисту... Все это, как видишь, очень и очень несостоятельно, просто неверно.

А потом давай говорить так. Если многознающий человек завидует малознающему, если большие знания подавляют его, то уж тогда логичнее было бы завидовать даже не трубочисту и вообще человеку, а какому-либо животному — ну, скажем, собаке или корове. Та уж совсем ничего не знает, и их абсолютно ничего не беспокоит. Они не понимают и не сознают даже того факта, что родились на свет, что настанет время, когда не будет их. Но ты сама понимаешь, что завидовать им было бы абсурдом.

Ты пишешь, что Эйнштейн узнал много, что знания как бы подавили его и он стал завидовать тому, кто знает мало или не знает ничего.

Эйнштейн сделал, действительно, великое открытие и он познал, действительно, многое. Это так. Но он в это